

Ж.-Ф. ДЮНО, Ж.-П. АРИНЬОН

ПОНЯТИЕ «ГРАНИЦА» У ПРОКОПИЯ КЕСАРИЙСКОГО И КОНСТАНТИНА БАГРЯНОРОДНОГО

Византийская империя унаследовала от Рима определенное понимание границы: во-первых, это пределы сферы деятельности имперской администрации на землях, разделенных на римские провинции; во-вторых, это пределы стран, имеющих местных правителей, но находящихся в сфере имперской юрисдикции, реальной или по крайней мере номинально признаваемой.

Подобное понимание границ наиболее четко можно проследить на примере двух периодов византийской истории: второй трети VI в. — времени правления Юстиниана и творчества Прокопия Кесарийского — и середины X в. — периода «императорской энциклопедии», составленной под руководством Константина Багрянородного¹. Как в произведениях Прокопия, так и в компиляциях македонской эпохи греческая культурная традиция соседствует с римской политической и административной реальностью, важным элементом которой является понятие границы.

У предшественников Прокопия ощущается явный недостаток соответствующей лексики, которая позволила бы им передать по-гречески терминологию, относящуюся к римским институтам. Наиболее показательен в этом смысле пример Зосима, писавшего в правление Анастасия². Греческие классики не могли служить образцом, где можно было бы почерпнуть точные формулировки и термины, адекватные римским понятиям, обозначающим границы. Геродот, Фукидид и Ксенофонт имели в виду два рода границ. Это прежде всего границы между полисами, очерчивающие ограниченные территории; далее это границы между эллинизмом и варварским миром, границы в высшей степени условные, расплывчатые, со свойственными им частными изменениями. К тому же надо учитывать воздействие господствовавшего в Византии риторического обучения, которое способствовало непринужденности в выражениях, особенно в том, что касалось учреждений.

Нам необходимо проследить, в какой степени эти «античные» черты оказывали влияние на представление о границах двух авторов, одного — VI в., другого — X в.

Прокопий Кесарийский, который был неизмеримо выше Зосима как историк и по существу и форме своих произведений ближе всех стоит к греческой традиции классической эпохи³. В то время как для Зосима примером являлся Полибий⁴, Прокопий охотно обращается к Фукидиду. Следуя своему образцу, историк VI в. излагает прежде всего события своего времени, напоминая лишь о тех фактах предшествующей эпохи, которые необходимы для понимания рассказа. Метод (поиски причин и логической последовательности), равно как и стиль, подтверждает родство этих двух авторов. «История войн» Прокопия касается главным образом тех событий, свидетелем которых являлся сам автор, находясь на границах империи: на персидской границе, в частности в Месопотамии, во время кампании

527—531 гг., в Северной Африке в период ее завоевания в 533 г., в Италии в начальной фазе ее завоевания в 526—540 гг.

Прокопий, таким образом, не принадлежал к тем писателям, которые были способны создавать произведения, лишь излагая прочитанное или используя свидетельства иных лиц. В качестве помощника Велисария он имел возможность многое наблюдать непосредственно. Ему нередко приходилось обращаться к собственным воспоминаниям, как это было в случае с пассажем о Каппадокии, природу которой он сравнивает с природой Тавра⁵. Произведения Прокопия представляют поэтому особый интерес для изучения избранной нами темы. Историк видел множество населенных пунктов и военных укреплений по обеим сторонам границы — и «римской» и персидской. Он посетил значительную часть крепостей и сооружений, которые описал впоследствии в трактате «О постройках», а также в многочисленных главах своих «Войн», посвященных пограничной зоне.

Свидетельства Прокопия позволяют оценить представления жителей империи о границе, в частности представления о ней высших должностных лиц. При этом можно выявить и использовавшуюся в подобных случаях лексику. Остановимся прежде всего на границах восточной части империи, т. е. той территории, которая после деления империи на две половины оказалась подчиненной правительству в Константинополе. Известно, что эта область тянулась от Иллирии и Триполитании на западе до пределов Кавказа и Евфрата на востоке. Правящая элита, если не большая часть населения, была здесь повсюду грекоязычной. Тем не менее автор VI в., хотя сам он пишет на греческом языке, всю эту территорию называет римской. Прокопий неизменно противопоставляет землям, лежащим за пределами имперских границ, «римскую землю», Ῥωμαίων γῆ. Это выражение означает, по всей видимости, имперские провинции, расположенные непосредственно вблизи границы на востоке и северо-востоке. Оно применяется к региону, расположенному по соседству с гуннами и подверженному набегам этого бесцельного народа⁶. Прокопий именует Ῥωμαίων γῆ многие провинции, находившиеся под угрозой персидских набегов: Евфратисию, подвергшуюся атаке Кавада в 527 г.⁷, район Мартирополя, на который было совершено персидское нападение в 531 г.⁸, район Киркесия, куда вторгся Хосров в 540 г.⁹ В некоторых случаях выражение Ῥωμαίων γῆ применялось по отношению ко всей Восточной Римской империи. Упомянув о некоем Павле, перебежчике, ставшем переводчиком у Хосрова, Прокопий, указывает, что он был родом из «римской земли»¹⁰. Выражение Ῥωμαίων γῆ Прокопий использовал в «Тайной истории»¹¹ и трактате

¹ Называя эту часть компиляций «императорской» (или «политической»), мы следуем классификации, предложенной П. Лемерлем, см.: *Lemerle P. Le premier humanisme byzantin: Notes et remarques sur enseignement et culture à Byzance des origines au Xe siècle.* P., 1971, p. 274—280. Сюда относятся: *De administrando imperio* (этот труд представляет наибольший интерес для избранной нами темы), *De thematibus*, *De ceremoniis* и *Житие Василия I*, основателя Македонской династии.

² О лексике, использованной Зосимом для обозначения должностей, и его военной терминологии см.: *Zosime. Histoire nouvelle/ Texte établi. et trad. par F. Paschoud.* P., 1971, t. I. (далее — *Zosime*), p. LXXII—LXXIII.

³ См.: *Stein E. Histoire du Bas-Empire.* P. etc., 1949, t. II, p. 709—723. В данной статье мы использовали издание: *Procopii Caesariensis Opera omnia/ Rec. J. Haury, ed. G. Wirth. Lipsiae, 1963—1964. Vol. I—IV.* Далее наряду с томом издания и указанием страниц даются названия произведений (*Bella*, *An.* — *Anectoda*, *Aed.* — *De Aedificiis*) с указанием глав.

⁴ «Новая история» Зосима открывается упоминанием имени Полибия (*Zosime*, t. I, p. 8).

⁵ *Bella*, I. 17 (t. I, p. 84, 21—26).

⁶ *Bella*, I. 3 (t. I, p. 11, 1, 2).

⁷ *Ibid.*, I. 18 (t. I, p. 91, 1, 7).

⁸ *Ibid.*, I. 21 (t. I, p. 113, 1, 27—114, 1, 1).

⁹ *Ibid.*, II. 5 (t. I, p. 167, 1, 4).

¹⁰ Этот Павел был родом из района Антиохии и изучал греческий язык с грамматистом этого города; см.: *Bella*, II. 7 (t. I, p. 177, 1, 6—9). Павел родился ἐν γῆ τῇ Ῥωμαίων.

¹¹ *An.*, 18 (t. III, p. 115, 1, 22).

«О постройках»¹². Реже, но в том же смысле автор употреблял термин Ῥωμαίων χωρία¹³. В иных случаях владения империи противопоставляются на востоке земле персов (Περσῶν γῆ)¹⁴.

В пространственном отношении «римская земля» имела точно установленные границы, для обозначения которых Прокопий использует термины ὄρια и ἐσχατιαί. Известно, что на классическом греческом языке термин ὄρια обозначал священные межевые знаки, отграничивающие патримониальные владения. Вместе с тем этот термин обозначал границы полисов. У Прокопия словом ὄρια определяются границы обширных государств, в частности границы империи Сасанидов¹⁵. Но чаще речь идет о ὄρια римлян, например в связи с наступлением персов на внутренние пределы империи¹⁶.

Вполне очевидно, что для историка VI в. эти ὄρια соответствуют границе — если не всегда линейной, то по крайней мере, той полосе земли, которая была расположена между двумя параллельными рядами небольших укрепленных пунктов или крепостей. Так, Прокопий одну из своих фраз начинает следующим образом: «От города Аксума до пределов (ὄρια) римской державы в Египте, где находится город, называемый Элефантина. . .»¹⁷.

Прокопий сообщает немало конкретных деталей и при описании северо-восточной границы. Он отмечает, что река Боа-Фесис служит границей для подвластной римлянам области Армении — территории вокруг крепости Фарангий, которая освободилась от власти Сасанидов¹⁸. Прокопий более или менее детально описывает и другие участки римско-персидской границы¹⁹.

Прокопий употребляет еще один характерный термин — ἐσχα — τίαί, значение которого у этого автора близко к значению термина ὄρια. Термин означает «крайние пределы» империи со столицей в Константинополе, границу, по ту сторону которой начинается иной мир. Этот термин часто применяется по отношению к восточной границе. Так, историк упоминает «все местечки и все укрепления на границе (ἐσχατίαί) в Евфратисии»²⁰, а также «укрепление у реки Евфрат, на границе (ἐσχατίαί) в Месопотамии»²¹.

Пограничная трасса поддерживается небольшими населенными пунктами, традиционно расположенными по берегам рек. Эти последние служат для Прокопия ориентиром. Когда он в своем рассказе употребляет выражение ἐντός («по эту сторону»), это означает, что речь идет о «римском» берегу реки, когда же он говорит ἐκτός («по ту сторону»), это означает, что речь идет о берегу со стороны Сасанидов. Так обычно говорится о землях, прилегающих к Евфрату в той его части, где он протекает по Месопотамии²². Еще одна река традиционно рассматривается как граница двух государств — Фасис, который в своем верхнем течении называется Боа. Говоря о Фасисе, Прокопий отличает области, лежащие «по эту сторону» (ἐντός) и являющиеся территорией Римской империи, от областей, расположенных «по ту сторону» (ἐκτός) и подвластных империи Сасанидов²³. Далее мы увидим, что Фасис является границей не только двух государств, но и двух частей мира. В самом деле, для Прокопия правый, «римский», берег этой реки является европейским, в то время как левый берег, подвластный персам, находится в Азии²⁴.

Западным областям Прокопий уделяет внимание в той части «Истории войн», которая охватывает начальный период завоеваний Юстиниана. Автор посетил лишь Африку и Италию — районы военных действий Велисария. Между тем Прокопию пришлось говорить обо всех западных провинциях, входивших в состав Римской империи, в том числе и о лимитрофных территориях. Это дает нам возможность проверить широту его исторических и географических позиций. Вместе с тем мы получаем также и материал, который позволяет изучить суть представлений Прокопия о границах империи и природе императорской власти в бывшей pars occidentis. Необходимо в первую очередь отметить, что Прокопию известна граница вдоль Рейна, которая ограничивала пределы империи во времена ее наибольшего территориального расширения. Во введении к «Войне с го-

тами» историк, говоря о Рейне, сопоставляет его положение с расположением Роны, уточняя при этом, что обе реки текут в противоположных направлениях: одна — в Тирренское море, другая — в Океан²⁵.

Прокопий отмечает важность провинции Галлии, когда эта страна целиком находилась под властью Рима. Именем Ἀρβόρουχοι он называет германцев, коренных жителей, первоначально являвшихся подданными империи²⁶.

Таким образом, Прокопий напоминает, что до великих потрясений, предшествовавших оседанию готов в районах, близких к Средиземноморью, Рейн являлся границей, которую защищали римские войска. Линия Рейна обозначена им как ἐσχατιαί, т. е. термином, который, как мы видели, употреблялся Прокопием для восточных границ империи²⁷.

Прокопий упоминает и иную границу, которая возникла в ходе германских завоеваний. После появления здесь германцев бывшая Галлия оставалась некоторое время разделенной на две части, различавшиеся по своему статусу. Галлия ἐκτὸς Ῥοδανοῦ, по ту сторону Роны, охватывала большую часть страны. В этих областях германское владычество было установлено на основании договоров, заключенных между завоевателями и правительством империи. Было предусмотрено, говорит Прокопий, что коренное население, подчинявшееся доселе императорской власти, сохраняет свои древние законы (νόμοι πατέριοι), т. е. статус, определенный римским правом. Таким образом, у населения на этих территориях сохранялась εὐχῆμα τῶν Ῥωμαίων, иными словами — принадлежность к римскому миру, более высокому, нежели варварские королевства, и в какой-то степени стоявшему над ними²⁸. Что касается Галлии ἐντὸς Ῥοδανοῦ по эту сторону Роны, то она оставалась под непосредственным управлением имперской администрации до тех пор, пока порядок (πολιτεία), установленный упомянутыми договорами, оставался в силе²⁹.

¹² Aed., II. 1 (t. IV, p. 46, 1, 14), II. 4 (p. 60, 1, 4 — район Амида), II. 5 (p. 61, 1, 15 — район Мартирополя), II. 10 (p. 76, 1, 6—7).

¹³ Ῥωμαίων χωρία; Bella, II. 26 (t. I, p. 274, 1, 4).

¹⁴ Περσῶν γῆ; Bella, II. 10 (p. 196, 1, 11—12).

¹⁵ Aed., II. 4 (t. IV, p. 57, 1, 24); Aed., II. 1 (p. 46, 1, 12).

¹⁶ Bella, I. 8 (t. I, p. 38, 1, 12 — наступление Кавада в 502—503 гг.).

¹⁷ Ibid., I. 19 (t. I, p. 104, 1, 15—17). Ἐκ δὲ Ἀδξώμιδος πόλεως ἐς τὰ ἐπ' Αἰγύπτου ὅρια τῆς Ῥωμαίων ἀρχῆς. οὗ δὴ πόλις ἡ Ἐλεφαντίνη καλουμένη οἰκεῖται. . .

¹⁸ Bella, II. 29 (t. I, p. 291, 1, 19—20).

¹⁹ Лазика: Bella, II. 17 (t. I, p. 224, 1, 13), II. 29 (t. I, p. 292, 1, 18); Египет: *ibid.*, I. 17 (t. I, p. 89, 1, 4—5); Палестина: *Ibid.*, I. 19 (t. I, p. 100, 1, 26); Иберия: *Ibid.*, II. 29 (t. I, p. 292, 1, 10—11).

²⁰ Bella, II. 9 (t. I, p. 73, 1, 22—23).

²¹ *Ibid.*, II. 6 (t. I, p. 63, 1, 11—12).

²² Bella, I. 17 (t. I, p. 86, 1, 14). В речи, которую Прокопий вложил в уста Аламундара (Лахмид Аль-Мундира), земли, на которые вождь арабов советует напасть, названы ἐκτὸς Εὐφράτου ποταμοῦ. Ситуация обрисована с точки зрения врага.

²³ Bella, II. 29 (t. I, p. 293, 1, 11—13). Эти прилежащие к Фасису области были предметом горячих споров между империей с центром в Константинополе и империей Сасанидов. Прокопий упоминает о них в связи с кампанией Дагисфея против персидского войска, возглавляемого Мир-Мирое, целью которой было отвоевание Петры, захваченной в 541 г. армией Сасанидов. См.: *Stein E. Op. cit.*, t. II, p. 505.

²⁴ Bella, VIII. 2 (t. II, p. 495, 1, 5—11).

²⁵ Bella, V. 12 (t. II, p. 64, 1, 4—8).

²⁶ Ἀρβόρουχοι. . . Ῥωμαίων κατήκοι ἐκ παλαιοῦ ἔσαν (*Ibid.*, p. 64, 1, 4—8). Исследователи не имеют единой точки зрения относительно природы слова Ἀρβόρουχοι. Одни интерпретируют его как «аборигены», полагая, что оно означает совокупность галло-римлян в завоеванной Северной Галлии (*Lot F. — RH, 1930, CLXV, p. 244*), другие понимают его как *armosains*. См.: *Stein E. Op. cit.*, t. II, p. 719, n. 1.

²⁷ Καὶ στρατιῶται δὲ Ῥωμαίων ἕτεροι ἐς Γάλλων τὰς ἐσχατίας φυλακῆς ἐνεκα ἐτετάχατο (t. V, p. 65, 1, 10—11).

²⁸ Νόμος δὲ τοῖς πατέριοις ἐς αἰὶ χρόνται (t. V, p. 65, 1, 22—24).

²⁹ *Ibid.*, p. 65, 1, 25—26.

Рассказ Прокопия ясно указывает на наличие поворотного пункта в судьбах Запада. 476 год являлся в глазах историка временем, когда римский правопорядок прекратил свое существование в областях, расположенных по эту сторону Роны и Альп. Действительно, господство Одоакра не было основано на предварительном договоре с императорской властью, и Прокопий рассматривает этот режим, как «тиранию»³⁰. Вследствие этой узурпации Галлия ἐκτός Ῥοδαῶν и Испания утратили римский характер (σχῆμα τῶν Ῥωμαίων), который им было позволено сохранять по договору с германскими вождями.

В тот момент, когда по воле Юстиниана началось отвоевание западных областей империи, для Прокопия и правящей элиты Константинополя существовали две границы римского мира. Первая проходила по Роне на западе и Альпам на севере. В пределах этой границы находились наряду с Сицилией, Корсикой и Сардинией вся Италия и Галлия ἐκτός Ῥοδαῶν³¹. С юридической точки зрения эти регионы никогда и ни по какому договору не изымались из ведения римской имперской администрации. В представлении государственных мужей Константинополя принадлежность этой зоны к римскому миру (Romania) никогда не прекращалась, она никогда не освобождалась от верховной власти императора и компетенции должностных лиц римского правительства, отныне единого и находящегося в древнем Византии. Вторая граница проходила по Рейну и охватывала наряду с Испанией Галлию ἐκτός Ῥοδαῶν. На территории, оказавшейся между этой границей и линией по Роне и Альпам, образование варварских государств было узаконено путем договоров, в результате которых за императорской властью сохранялись огромные права, а местное население, отличное от иноплеменных завоевателей, могло сохранять статус римлян.

С точки зрения Прокопия, следовательно, в пределах бывших границ империи существовали королевства (например, франков), по отношению к которым правительством Константинополя требовало в сущности лишь признания своего верховенства. Автор обнаруживает известные познания в истории недавнего прошлого и географии этих стран, познания, по правде говоря, тем более неопределенные, чем дальше он продвигается от Средиземноморья к северу³².

Говоря о территориях, расположенных по ту сторону Рейна, Прокопий не упускает возможности вспомнить о Германии и более северных областях, никогда не входивших в состав Римской империи. Тут упоминания о местностях или народах становятся более редкими и часто оказываются неточными. По всей видимости, эти страны оставались вне круга знаний поданных Константинополя, даже наиболее просвещенного и информированного их слоя³³. Не представлялось реальным ни завоевать эти территории, ни распространить на них гегемонию или даже номинальное господство Константинополя.

Итак, в том, что касается границ империи, изложение Прокопия отражает существование двух различных реальностей. На востоке от Ликаонии до Дуная границы империи были более или менее стабильными, если не принимать во внимание изменения, происходившие в ходе войн VII—VIII вв. Эти границы обычно обозначаются термином ὄρια и часто уточняются путем упоминания рек и населенных пунктов. Говоря о западной границе, Прокопий принимает во внимание наличие особой зоны между Альпами и Роной, с одной стороны, и течением Рейна — с другой. Империя юридически сохранила большие права на всю территорию Запада, в то время как сектор по ту сторону Альп, а возможно, и Роны оставался на законных основаниях составной частью римского мира. Этот сектор не имел четкой границы в юридическом смысле слова с балканскими провинциями Константинополя. По отношению к этим землям завоевания Юстиниана, описанные Прокопием, означали, с его точки зрения, всего лишь приведение в соответствие права с фактическим положением дел.

Историк VI в. Прокопий придает большое значение идеологической границе³⁴, отделяющей империю от центра в Константинополе от осталь-

ного мира. Вместе с тем эта культурная и политическая граница вполне реально существовала и в пространстве. Об этом свидетельствует употребление Прокопием терминов *ὄρια* и *ἐσχατία*: в значении «граница», «пределы», а также частиц *ἐντός* — *ἐκτός* («по эту сторону» — «по ту сторону»), по отношению к таким географическим ориентирам, как река или гора, воспринимаемым им как граница.

Проследим теперь эволюцию терминов, употребляемых для обозначения границ в труде императора-эрудита X в. Константина Багрянородного «*De Administrando Imperio*». Этот труд, составленный между 948 и 959 гг.³⁵ на основе секретных документов императорской канцелярии и предназначенный для того, чтобы способствовать совершенствованию знаний его сына и наследника Романа II в дипломатической сфере, содержит важные географические и исторические описания пограничных районов империи. Именно по этой причине нам представляется особо интересным изучить термины, используемые в этом труде для обозначения границы.

В практическом смысле граница обозначалась следующими терминами: *ὀροθεσία*³⁶, *σύνορος*³⁷, *ἄκρα*³⁸, *κλεισοῦρα*³⁹. Каждое из этих слов имеет особое значение, которое мы и попытаемся уточнить.

Слово *ὀροθεσία* обозначает «межевую границу», установленную в месте, где не было географического ориентира, могущего служить границей. Никто, если он в этом поклялся, не имел права пересекать *ὀροθεσία*⁴⁰. Два следующих слова разъяснить несколько сложнее. Слово *σύνορος*, употребленное в единственном числе, обозначает естественную границу по течению реки⁴¹. Во множественном числе этот термин становится значительно менее точным и может обозначать пределы города⁴² или района⁴³. Что касается термина *ἄκρα*, то он, по всей вероятности, чаще всего обозна-

³⁰ Ὀδῶνακρος ἐς τυραννίδα μετέβαλε (t. V, p. 66, 1, 1).

³¹ Прокопий еще неоднократно противопоставляет Галлию *ἐκτός τοῦ Ῥοδανοῦ* Галлии *ἐντός τοῦ Ῥοδανοῦ*; см., например: *Bella*, V.13 (t. II, p. 71, 1, 20—22).

³² Прокопий довольно хорошо информирован относительно южных областей и сообщает о событиях в этих землях с известной точностью. В качестве примера можно привести рассказ о победоносной кампании франков 507 г. против визиготов в районе, прилегающем к Пиренеям, и об осаде Каркасона, см.: *Bella*, V.12 (t. II, p. 68—69).

³³ Прокопий отмечает за пределами Британии остров *Βρεττία*, который, по-видимому, соответствует Ютландии, см.: *Bella*, VIII.20 (t. II, p. 589—591). Об этих неточностях см.: *Stein E.* Op. cit., p. 718—719.

³⁴ *Ahrweiler H.* La frontière et les frontières de Byzance en Orient. — In: *Actes du XIVe Congrès international des études byzantines*. Bucarest, 1974, p. 209; *Eadem.* Byzance. Les pays et les territoires. L., 1976, III.

³⁵ *Constantine Porphyrogenitus.* *De Administrando Imperio*/ Ed. Gy. Moravcsik, R. J. H. Jenkins. Washington, 1967 (далее — DAI); *Lemerle P.* Op. cit., p. 277, n. 36.

³⁶ DAI, 53/172, 175, 176, 182, 225—227.

³⁷ DAI, 30/19, 114; 32/53; 45/158, 161, 164, 173; 46/15.

³⁸ DAI, 49/13; 50/78, 116.

³⁹ DAI, 29/29, 41, 44; 50/113, 156, 158, 168.

⁴⁰ Θῆσαντες καὶ ὀροθεσίας ἐν τῷ αὐτῷ λεγομένῳ Καρῶ ἐν ᾧ τόπῳ πολεμήσαντες τὸν Σαυρομάτου ἐνίκησαν, ἐν ᾧ καὶ ὄρους ἐπετέλεσεν ὁ αὐτὸς Σαυρομάτος καὶ οἱ σὺν αὐτῷ ὑπολειφθέντες τοῦ μηκέτι αὐτοῦς χάριν πολέμου ὑπερβαίνειν τὰς μεταξὺ αὐτῶν τεθείσας, ἀλλ' ἕκαστον αὐτῶν τοὺς ἰδίους ἔχειν τόπους πρὸς τὰς τεθείσας ὀροθεσίας (DAI, 45/171—176).

⁴¹ ἵνα γένηται σύνορος τῆς Φασιανῆς ὁ ποταμὸς ὁ Ἐραξ, ἦτοι ὁ Φῆσις (DAI, 45/158); συμφέρον εἶναι τὸν ποταμὸν σύνορος (DAI, 45/163—164); καὶ δέδωκεν αὐτῷ εἰς ἀντιστήκωσιν τὴν τε Τυρὸκαστρον καὶ τὴν ποταμίαν τοῦ Ἀρτζαρά, τὴν οὖσαν σύνορον Ῥωμαίας εἰς Κώλωριν (DAI, 46/13—15).

⁴² Ἐκ παλαιοῦ τοῖνον ἡ Δελματία τὴν ἀρχὴν μὲν εἶχεν ἀπὸ τῶν συνόρων Δυρραχίου (DAI, 30/8—9).

⁴³ καὶ παρεκτείνεται πρὸς μὲν τὴν παραθαλασσίαν μέχρι τῶν συνόρων Ἰστρίας (DAI, 30/114—115).

чает внутренние границы фемы⁴⁴, территориальные подразделения которой, турмы, устанавливались по естественным рубежам. Наконец, слово κλεισοῦρα обычно обозначало город-крепость, который господствовал над труднодоступным горным пограничным районом⁴⁵.

Эти границы, четко материализованные в пространстве, ограничивали территорию, находящуюся в ведении ромейской администрации (ὕπὸ τῆν Ῥωμαϊκῆν πολιτείαν). Территории, которые не входили в состав империи, но прилегали к ее границам и над которыми империя считала себя вправе осуществлять известный контроль, обычно обозначаются с помощью наречий πέραν/πέραθεν — ἐνθεν⁴⁶, ἄνωθεν/ἐνδοθεν⁴⁷, а также с помощью глагола πλησιάζειν⁴⁸; это позволяет предположить, что речь идет о районах, расположенных у географических ориентиров, например Дуная⁴⁹, Днепра, или входивших в так называемое «византийское содружество»⁵⁰. Наконец, есть страны, отдаленные от империи как в географическом, так и в политическом смысле, например Русь, по отношению к которой император употребляет предлог ἔξω⁵¹.

Попытаемся установить значение этого многократно встречающегося в произведении Константина Багрянородного предлога. Выражение ἔξω τοῦ δέοντος⁵² употребляется в значении «вне компетенций». Если же мы ограничимся географическим значением этого слова, то увидим, что предлог ἔξω употребляется для обозначения территории, расположенной за стенами города⁵³, вне пределов города⁵⁴. Наконец, предлог ἔξω и стоящее за ним название страны чаще всего переводится как расположенная «по ту сторону» в противоположность расположенной «по эту сторону»⁵⁵.

Если выражение «Испания, лежащая по ту сторону» (т. е. Лузитания) не вызывает вопросов, то иначе обстоит дело с выражением «внешняя Русь». По этому поводу существует обширная литература⁵⁶, однако убедительного решения проблемы еще не найдено. Вот почему нам представляется уместным еще раз обратиться к этому вопросу.

Необходимо прежде всего определить, в каком значении византийский император употреблял предлог ἔξω в сочетании со следующим за ним названием страны. Уже было отмечено, что перевод такого выражения с помощью прилагательного «внешний» является слишком буквальным и что подобное выражение означает, что регион, о котором идет речь, расположен на более или менее отдаленном расстоянии от Средиземного моря⁵⁷. С тех пор наибольшее распространение получает перевод этого выражения прилагательным «отдаленный». Он и был принят советским историком В. В. Мавродиным⁵⁸.

Отметим прежде всего, что в том месте, где Константин VII говорит об Испании, он лишь воспроизводит цитату⁵⁹. Следовательно, данный отрывок не может быть использован в качестве аргумента при рассмотрении значения этого выражения в том случае, когда речь идет о Руси, при описании которой император является самостоятельным автором. Далее укажем на то обстоятельство, что Константин VII не делает ни малейшего намека на существование какой-то иной русской провинции, которая бы, подобно Лузитании, являлась дополнением к основной территории государства, как это было в случае с Испанией⁶⁰. Поэтому трудно согласиться с А. Н. Насоновым, который противопоставляет «внешнюю» Русь, т. е. Новгородскую землю, где правил Святослав, «внутренней», Киевской Руси, где правил Игорь⁶¹.

Подобная точка зрения предполагает, что формула εἰσι δὲ имеет противительное значение. Однако необходимо принять во внимание, во-первых, существование четкой, намеренно созданной симметрии, которая достигается благодаря двум частям фразы с повторением глагола εἰσι (что, по-видимому, является эквивалентом к εἰσιν αἱ μὲν . . . αἱ δὲ . . .), во-вторых, наличие μὲν, поскольку δὲ в противительном значении, вообще говоря, не «напрашивается» в прекрасно сбалансированной фразе частицей μὲν. Наконец, следует учесть наличие союза καὶ и отсутствие всякого слова, имеющего противительный смысл и разрушающего, таким образом,

созданное равновесие. Все эти факты, взятые по отдельности, не дают возможности придти к определенному выводу. Однако их совокупность, по всей видимости, позволяет рассматривать обе частицы как соотносительные.

Если принять во внимание эти соображения, то окажется, что «отдаленная» Русь охватывает, помимо Новгорода, Смоленск, Любеч, Чернигов и Вышеград. Особняком стоит Киев, который не вошел в этот перечень, но в котором были собраны моноциклы из названных городов. Следует учесть, что император нисколько не противопоставляет названные города Киеву; более того, говоря, что славяне являются данниками этих городов, Константин VII употребляет притяжательное местоимение αὐτῶν⁶², которое относится ко всем городам, включая и Киев. Наконец, упоминая о четырех племенах печенегов, расположившихся к западу от Днепра и образующих

⁴⁴ 'Ἐπεὶ οὖν ὁ τριηκᾶτα στρατηγὸς ὑπῆρχεν πρὸς τὴν ἄκραν τοῦ θέματος ἐν κάστρῳ Κορίνθου (DAI, 49/13—14); Ἡ δὲ Κάμαχα ἡ τοῦρμα ἄκρα Καλωνείας ἦν (DAI, 50/116).

⁴⁵ 'Ὁ δὲ Μελίας εἰς Εὐφράτειαν καθέζομενος, ὁ πῶτε καὶ προεβλήθη Κωνσταντῖνος ὁ Δούξ εἰς τὸ Χαρσιανόν, κατῆλθεν οὗτος ὁ προρρηθεὶς Μελίας, καὶ τὸ πλαιῖον κάστρον τὴν Λυκανδὸν ἐκράτησεν, καὶ ἔκτισεν αὐτὸ καὶ ὠχυροποίησεν, καὶ ἐκεῖσε ἐκαθέσθη, καὶ ὠνομάσθη παρὰ Δεόντος, τοῦ φιλοχριστοῦ βασιλέως, κλεισοῦρα. Καὶ μετὰ τοῦτο διεπέρασαν ἀπὸ Λυκανδοῦ εἰς τὸ ὄρος τῆς Τζαμανδοῦ, κἀκεῖσε τὸ νῦν ὄν κάστρον ἔκτισεν, καὶ ὠσαυτως κἀκεῖνον κλεισοῦρα ἐκάλειτο (DAI, 50/152—158); Τὸ δὲ Χαζῖτ καὶ ἡ Ῥωμανόπολις κλεισοῦραι τῶν Μελιτινιατῶν ὑπῆρχον (DAI, 50/113); Καὶ γὰρ πλησίον τῆς θαλάσσης ὑπὸ τὸ αὐτὸ κάστρον ἔστιν, τὸ ἐπιλεγόμενον Σιλῶνα. . . ἐν ᾧ πάντες οἱ Ῥωμᾶνοι συνήγγοντο καὶ καθωπλιζόντο καὶ προσπακύνον ἐκ τῶν ἐκεῖσε, καὶ πρὸς τὴν κλεισοῦραν ἀπήγγοντο, τὴν ἀπὸ τοῦ αὐτοῦ κάστρου ὑπάρχουσαν μίλια τέσσαρα, ἣτις καὶ μέχρι τοῦ νῦν καλεῖται Κλεῖσα διὰ συγκαλεῖν τοὺς διερχομένους ἐκεῖθεν (DAI, 29/25—31).

⁴⁶ 'Ἰστέον, ὅτι αἱ τέσσαρες τῶν Πατζινακιῶν γενεαί. . . κείνται πέραν τοῦ Δανάπρωσ ποταμοῦ πρὸς τὰ ἀνατολικώτερα καὶ βορειώτερα μέρη. . . Αἱ δὲ ἄλλαι τέσσαρες γενεαὶ κείνται ἐνθεν τοῦ Δανάπρωσ ποταμοῦ πρὸς τὰ δυτικώτερα καὶ ἀρκτικώτερα μέρη (DAI, 37/34—40); Καὶ κατοικοῦσιν μὲν οἱ Τοῦρκοι πέραθεν τοῦ Δανούβεως ποταμοῦ εἰς τὴν τῆς Μοραβίας γῆν, ἀλλὰ καὶ ἐνθεν μέσον τοῦ Δανούβεως καὶ τοῦ Σάβα ποταμοῦ (DAI, 42/18—20).

⁴⁷ 'Ἄνωθεν δὲ τῆς Ζιχίας ἐστὶν ἡ χώρα ἡ λεγομένη Παπαγία, καὶ ἄνωθεν τῆς Παπαγίας χώρας ἐστὶν ἡ χώρα ἡ λεγομένη Κασαχία, ἄνωθεν δὲ τῆς Κασαχίας ὄρη τὰ Καυκάσιά εἰσιν, καὶ τῶν ὀρέων ἄνωθεν ἐστὶν ἡ χώρα τῆς Διανίας. Ἡ δὲ τῆς Ζιχίας παράλιος ἔχει νησιά, τὸ μέγα νησίον καὶ τὰ τρία νησιά. ἐνδοθεν δὲ τούτων εἰσὶν καὶ ἕτερα νησιά, τὰ καὶ ἐπινησθέντα καὶ παρὰ τῶν Ζιχῶν κτισθέντα (DAI, 42/99—105).

⁴⁸ τούτεστιν τὸ θέμα Γλαζιλοπον πλησιάζει τῇ Βουλγαρία, τὸ δὲ θέμα τοῦ κάτω Γύλα πλησιάζει τῇ Τουρκία, τὸ δὲ θέμα τοῦ Χραβόη πλησιάζει τῇ Ῥωσία, τὸ δὲ θέμα Ἰαζδιερίμ πλησιάζει τοῖς ὑποφόροις χωρίοις χώρας τῆς Ῥωσίας, τοῖς δὲ Οὐλτινοῖς καὶ Δερβλενίνοῖς καὶ Δενζενίνοῖς καὶ τοῖς λοιποῖς Σιλάβοις (DAI, 37/40—45).

⁴⁹ О дунайской границе см.: Browning R. Byzantium and Bulgaria. A comparative Study across the early medieval frontier. L., 1975; Тьлкова-Замцова В. Долни Дунав—граница зона на византийския запад. София, 1976.

⁵⁰ Obolensky D. The Byzantine Commonwealth. Eastern Europe 500—1453. L. etc., 1971.

⁵¹ 'Ὅτι τὰ ἀπὸ τῆς ἐξω Ῥωσίας μονόφυλα κατερχόμενα ἐν Κωνσταντινουπόλει εἰσι μὲν ἀπὸ τοῦ Νεμογαρδας, ἐν ᾧ Σφενδοσθιάβος, ὁ υἱὸς Ἰγγωρ, τοῦ ἀρχοντος Ῥωσίας, ἐκαθέζετο, εἰσι δὲ καὶ ἀπὸ τοῦ κάστρου τὴν Μιλινίσκαν καὶ ἀπὸ Τελιούτζαν καὶ Τζερνιγῶγαν καὶ ἀπὸ τοῦ Βουσεγραδέ. Ταῦτα οὖν ἄπαντα διὰ τοῦ ποταμοῦ κατέρχονται Δανάπρωσ, καὶ ἐπισυνάγονται εἰς τὸ κάστρον τὸ Κιοῦβα, τὸ ἐπονομαζόμενον Σαμβατας (DAI, 9/3—9).

⁵² ἐν οἷς αὐτὸν ἑώρα ἐξω τοῦ δέοντός τι διαπραττόμενον ἢ καὶ προστάττοντα (DAI, 50/179).

⁵³ Καὶ δὴ τῶν τρόψω τούτῳ ἐπὶ διετῷ χρόνον ἐκ τοῦ κατὰ μέρος ἐρχομένων τῶν Βοσποριανῶν μετὰ τῶν ξενίων πρὸς τὸ μὴ γνωσθῆναι τῇ πόλει τὸν δόλον ἔφερε μὲν αὐτοὺς πεζικῶς ἐκ τοῦ Συμβόλου ὀτοῦ Ἀσάνδρου υἱὸς καὶ μετὰ ἡμέρας τινὰς πάλιν ἐπὶ πάντων πρὸς ἐσπέραν ἀπέλυεν αὐτοὺς, φησὶν, ἐπὶ τὰ ἐξω ὡς δῆθεν βραδέστερον διὰ τὴν ὄραν (DAI, 53/299—304); Ἰστέον, ὅτι ἐξω τοῦ κάστρου Ταμάταρχα πολλαὶ πηγαὶ ὑπάρχουσιν ἄφθαν ἀναδιδοῦσαι (DAI, 53/167—170).

⁵⁴ Μεμαθηκότες δὲ τοῦτο οἱ Χερσωνίται, στεφανη φοροῦντος τότε καὶ πρωτεύοντος τῆς Χερσῶνος Βόσκου, τοῦ Σουπολιχοῦ, ἀντιπαραταξάμενοι καὶ αὐτοὶ ὑπήγγησαν τῷ Σαυρομάτῳ ἐξω ἐν τοῖς τοῦ λεγομένου Καφά τόποις (DAI, 53/167—170).

⁵⁵ 'Ἐν Ἰσπανία τῇ μικρᾷ τῇ ἐξω Λουσιτανῶν πάλιν ἀποστάντων, ἐπέμφθη ὑπὸ Ῥωμαίων στρατηγὸς ἐπ' αὐτοὺς Κόνιντος (DAI, 24/3—5).

⁵⁶ Наиболее важную литературу см. в работе: Soloviev A. 'H 'ἘΞ ῬΩΣΙΑ. — Byz., 1938, 13, p. 227—232; см. также: Constantine Porphyrogenitus. De Administrando Imperio. L., 1962, t. II. Commentary/ Ed. R. J. H. Jenkins, p. 25—26, n. 93.

⁵⁷ Stürenburg H. Relative Ortbezeichnung; zum geographischen Sprachgebrauch der Griechen und Römer. Leipzig, 1932, S. 14—18.

⁵⁸ Мауродин В. В. Образование Древнерусского государства и формирование древнерусской народности. М., 1971, с. 183.

⁵⁹ Die Fragmente der griechischen Historiker/ Ed. F. Jacoby. B., 1926, t. II. Zeitgeschichte. A — Universalgeschichte und Hellenika, frag. 26, S. 488.

⁶⁰ DAI, 24/2: Ἰσπανίαι δύο τῆς Ἰταλίας ἐπαρχίαι ἢ μὲν μεγάλη, ἢ δὲ μικρά.

четыре области, император замечает, что племя Харобой (Харбон) находится по соседству с Русью, а племя Ябдиертим (Эртим) граничит с территориями, платящими дань Руси⁶³. В обоих случаях Русь рассматривается как единая политическая реальность, что доказывается также употреблением в тексте единственного числа.

Исходя из сказанного, нам представляется вполне разумным допустить, что Константин VII, когда он говорит об «отдаленной» Руси, имеет в виду всю Русь. Что касается предлога ἔξω, то он, несомненно, использован для того, чтобы подчеркнуть очевидную географическую удаленность этой страны от Константинополя и Средиземного моря, но еще в большей степени для того, чтобы показать «отдаленность» Руси в политическом плане в этот период времени. Действительно, лишь с приездом княгини Ольги в Царьград Русь войдет в орбиту международных отношений X в.⁶⁴

Закljučая обзор лексики, служащей для обозначения границ в труде Константина VII Багрянородного «De Administrando Imperio», можно отметить, что здесь представлены три различные политические реальности. Это прежде всего территории, являющиеся составными частями державы ромеев — ὑπὸ τὴν Ῥωμαϊκὴν πολιτείαν. Они четко обозначены в пространстве и находятся «по эту сторону» границ. Последние обозначаются рядом терминов, каждый из которых имеет определенный смысл. Далее идут территории, расположенные «по ту сторону» границ и, следовательно, находящиеся вне юрисдикции империи в прямом смысле слова. Над ними Константинополь осуществлял или претендовал на то, чтобы осуществлять право контроля. Они обозначаются с помощью адвербиальных выражений или глагола πλησιάζει, которые уточняют их положение относительно известных географических ориентиров. Наконец, при упоминании о Руси, расположенной за пределами римской ойкумены, использован предлог ἔξω. На наш взгляд, он указывал как на географическую, так и политическую отдаленность этой страны от Константинополя, который явно признавал ее единство.

Сравнивая лексику, использованную для обозначения границ Прокопием Кесарийским и Константином VII, можно сделать примечательные выводы.

Прежде всего отметим, что эти авторы не имеют общих терминов для обозначения границ. Исключением являются цитаты из Аполлодора Афинского⁶⁵ и Геродора из Гераклеи⁶⁶, использованные Константином VII для описания Испании и содержащие лексику, использованную Прокопием. Это замечание представляет особый интерес, если учесть ту необыкновенную устойчивость лексики, которую можно наблюдать в период с IV в. до н. э. до VI в. н. э.

Как мы уже отмечали, необходимо помнить также о различных позициях двух авторов. В то время как Прокопий продолжает линию античных авторов, Геродота и Фукидида, стилю которых он стремится подражать, Константин VII сознательно использует повседневную лексику⁶⁷, по всей видимости, он сохранил язык, на котором составлялись заметки, поступавшие в разведывательное ведомство империи. Это объясняет, по крайней мере отчасти, в высшей степени специальный, технический характер лексики, использованной императором, и в то же время свидетельствует о трансформации языка, тесно связанной с эллинизацией империи.

Вполне понятной и в высшей степени заманчивой представляется попытка определить время появления этой специальной лексики, но, к сожалению, подобная задача трудно осуществима ввиду исключительно малого числа сохранившихся рукописей VI—IX вв.⁶⁸ Однако хорошо известно особое пристрастие Константина VII к энциклопедиям. Этот литературный жанр предполагает тщательные изыскания, которые велись главным образом в императорской библиотеке над документами, написанными по большей части на местном языке. Вели же эти розыски специалисты по вопросам, которые являлись предметом сообщения.

В связи с этим вполне допустимо предположение, что начиная с IX в. под влиянием таких личностей, как Лев Математик и Фотий, пристрастие

которых к риторике, изучению лексики и языка хорошо известно, происходит постепенная трансформация языка, заключающаяся во все большем использовании новых, более точных и специальных выражений. Эта трансформация совершалась в основном в рамках императорских учреждений. Возможно, именно по этой причине она столь характерна для произведения императора-эрудита X в. Наконец, в результате этой эволюции происходит все большее расхождение между «повседневным» (пользуясь выражением Константина VII) языком и языком научным и архаичным, который свойствен эпистолярному жанру X в.⁶⁹

⁶¹ Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951, с. 31. Эта точка зрения была недавно поддержана А. В. Булкиным, И. В. Дубовым и С. С. Лебедевым в работе «Археологические памятники Древней Руси IX—XI вв.» (Л., 1978, с. 10).

⁶² Οἱ δὲ Σχλάβοι, οἱ πικτιῶται αὐτῶν (DAI, 9/9).

⁶³ τὸ δὲ θέμα τοῦ Χαρζαζόγῃ πλησιάζει τῇ Ῥωσία, τὸ δὲ θέμα Ἰαβδιερτίμ πλησιάζει τοῖς ὑποφόροις χωρίοις χώρας τῆς Ῥωσίας (DAI, 37/42—43). Относительно границ Киевской Руси см.: Толочко Р. Р. Киевская земля. — В кн.: Древнерусские княжества X—XIII вв. М.: Наука, 1975, с. 5.

⁶⁴ Arrignon J. P. Les relations internationales de la Russie de Kiev au milieu du Xe siècle et le baptême de la princesse Olga. — In: Colloque des Historiens médiévistes de l'Enseignement Supérieur. Dijon, 1978 (в печати). См. также: ВВ, 1980, 41, с. 113—124.

⁶⁵ Ἐντὸς δὲ Πυρήνης Ἰζηρ τ'ἔστι μέγας ποταμὸς φερόμενος ἐνδοτέρω (DAI, 23/3—4).

⁶⁶ . . . πρῶτον μὲν οἱ ἐπὶ τοῖς ἐσχάτοις οἰκούντες τὰ πρὸς δυσμέων Κύνητες ὀνομάζονται.

⁶⁷ Οὐ γὰρ ἐπίδειξιν καλλιγραφίας ἢ φράσεως ἡττικισμένης καὶ τὸ διηρημένον διογκούσης καὶ ὑψηλὸν ποιῆσαι ἐσπούδασα, ἀλλὰ μᾶλλον διὰ κοινῆς καὶ καθωμιλημένης ἀπαγγελίας διδάξει σοι ἐσπευσα, ἅπερ οἶμαι δεῖν σε μὴ ἀγνοεῖν, καὶ ἃ τὴν ἐκ μακρᾶς ἐμπειρίας σύνεσιν τε καὶ φρόνησιν εὐμαρῶς σοι δυνατὰ προξενεῖν (DAI, 1/10—15).

⁶⁸ Lemerle P. Op. cit., p. 75.

⁶⁹ Darrouzes J. Les épistoliers byzantins du Xe siècle. P., 1960; Karlsson G. Idéologie et cérémonial dans l'épistolographie byzantine. Uppsala, 1959.